

КУПАВА ОГИНСКАЯ

16+

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

Нежная жуть в Кощеевом царстве

Купава Огинская

**Василиса Премудрая. Нежная
жуть в Кошечевом царстве**

«Автор»

2019

Огинская К.

Василиса Премудрая. Нежная жуть в Кощеевом царстве /
К. Огинская — «Автор», 2019

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве... а быть может, чуточку
дальше жил Кощей Бессмертный. И не было у него проблем, кроме
проклятого бессмертия, пока кривая тропка не вывела в его владения одну
сумасбродную беглую княжну...

Содержание

Глава 1 О сбежавших невестах и опасных встречах	5
Глава 2 О гостеприимстве и неудачных идеях	15
Глава 3 О царской службе и тяжкой судьбе	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Купава Огинская Василиса Премудрая. Нежная жуть в Кощеевом царстве

Глава 1 О сбежавших невестах и опасных встречах

За стеной азартно шуршали мыши... а может, то домовые готовились провожать дорогих гостей. В тереме было тихо и пахло скорым праздником.

Свадьбой моей пахло.

Поутру батюшка собирался отдавать меня за младшего сына царя, за горе и позор всего нашего государства, за Ивана-царевича.

Царевичем он был лишь по титулу, по жизни Иван слыл лютым дураком и бездельником. Слухам я, разумеется, никогда не верила, дожидаясь встречи и возможности самостоятельно составить представление о своем суженом.

Дождалась.

Составила.

Теперь сидела перед зеркалом с ножом в дрожащих руках и пыталась собраться с духом, чтобы одним махом отхватить свою косу. Собственными руками разрушить тихую и спокойную жизнь любимой дочки местного князя.

Иван, три дня назад приехавший на смотрины к молодой княжне (ко мне то бишь), вроде бы остался доволен увиденным, а завтра планировал забрать меня из отчего дома и везти в царские хоромы, чтобы там уже гулять свадьбу. Проводы готовились пышные, громкие и веселые... вот только я не планировала на них присутствовать.

Жизнь с нелюбимым мужем я еще могла бы вынести, жизнь с дураком – нет.

Из зеркала на меня смотрело напуганное отражение до сих пор не верящей в свое решение девицы.

Было страшно.

Но, перехватив нож крепче, я с силой рубанула по волосам. Потом еще раз. И еще. Отхватив неровно и неудачно свою гордость и отраду – толстую длинную косу, которую растила с детства. Она тяжело упала к моим ногам тугой русой змеей, поверх с глухим стуком рухнул нож, выпавший из ослабевших пальцев. Первый шаг был сделан, и пути назад не осталось. Неровно остриженные по плечи волосы щекотали шею, непривычно легкая голова кружилась от безумного поступка, а мне... мне хотелось плакать и смеяться.

Вот вам и Василиса, вот вам и Премудрая... куда ум свой запрятала?

Видели бы люди, мудрой меня кликавшие, что я творю...

После этого самого страшного шага дело пошло лихо. Мужские штаны и рубаху, выменянные у одного из дворовых мальчишек на серебришку, я надела вместо ночной сорочки.

А дальше – сапожки из мягкой кожи на ноги да сложенную с вечера дорожную сумку на плечо, и вот она я, полностью готова к побегу. Собралась быстро, да из покоев выходила долго, не решаясь отворить дверь.

Но стоило только вспомнить кривую ухмылку Ивана, едва видную в косматой, неухоженной бороде, и глуповатый взгляд водянисто-голубых глаз, как страх отступил.

Таясь и замирая от каждого звука, я спустилась вниз, проскользнула на кухню, старательно избегая участков, освещенных полнобокой луной.

Слышно никого не было, в столь поздний час я единственная в тереме не спала.

И Марька, немолодая, достаточно смиренная лошадка, дремала в своем стойле, пока в конюшню не прокралась я. Явлению моему кобыла не обрадовалась, но большое яблоко из батюшкиного сада быстро примирило ее с необходимостью посреди темной ночи покинуть уютное стойло.

Седлать и верхом ездить я умела прилично, спасибо за то дядьке Еремею – отцовскому сотнику, что не побоялся супротив князя пойти да дочку его совсем не женским делам обучить.

Ведунья пророчила на моё рождение мальчика, вот дядя и решил толк в меня вбивать, а не бабские глупости. Ибо не могла ведунья оплошать, а раз так, то и учиться мне не только прядь надобно, но и верхом ездить, и из лука стрелять, раз уж для меча я больно хилая.

Марька лениво хрустела яблоком, покорно снося спешные сборы, только ткнулась пару раз в плечо тёплым носом, будто спрашивая, что это я задумала.

– После объясню, – шикнула на неё и потянула прочь с конюшни, не опасаясь нарваться на конюха. Ему после бражки, выпитой за счастье молодых, не было никакого дела ни до конюшни, ни до уведенной мною кобылы.

Легко миновав ворота, я уж было решила, что удача нынче на моей стороне, расслабилась по глупости своей и пустила покорную лошадку по наезженному тракту на север, в земли Марьи Моревны.

Отгоняя от себя дурные мысли, я уверенно спешила вперед, робко мечтая о том, как возьмет меня она в ученицы да откроет все колдовские тайны. А за Ивана пускай Настасья идёт. Уж она царевичу спуска не даст, авось даже человека из него сделает.

Младшая моя сестренка девка была бойкая и дерзкая, особенно батюшкой залюбленная, оттого и смелая сверх всякой меры. Ей мужа перевоспитать труда не составит, мне же проще было бы его прибить, чем уму-разуму научить. И тут уж не имело значения, что сызмальства меня Премудрой кликали да в разумность мою верили. Не распространялась моя премудрость на чужую глупость.

Марька брела лениво, почти бесшумно, очень мягко ступая по наезженной дороге, только это меня и спасло – топот копыт внушительного по численности отряда я расслышала издалека и успела с дороги съехать да за деревьями схорониться.

Пожалуй, это и было моей самой страшной ошибкой. При полной луне да в Тающем лесу даже самый смелый воин не рискнул бы с дороги съехать да в тени деревьев от лунного света укрыться.

А я свернула, на удачу понадеявшись.

Надеялась напрасно. Чудеса твориться начали сразу же, стоило только отряду проехать, спеша в сторону нашего города, ворота которого по случаю спокойного лета, скорого праздника и недавно обновленных обережных рун были радушно открыты.

Судя по богатой одежке, то были припозднившиеся люди царевича, должны сопровождать нас в поездке. А значило это лишь одно: сейчас в тереме поднимется шум, гостей будут устраивать на ночлег, а значит, могут и обо мне вспомнить. Отыскать мою косу, организовать поиски, да и найти. У батюшки такие охотники есть, что и лисицу в ночном лесу легко найдут, что уж говорить о княжне, которая никогда раньше по лесам от преследователей не спасавшейся...

Я и на охоте была лишь раз, в сопливом детстве, когда дядька с трудом отвоевал меня у нянек, заявив, что десять лет – самый возраст, чтобы приучаться к охотничьему делу.

Ошибся он, конечно, страшно. Я не то что охотой не прониклась, но и другим ее испортила, когда после нескольких часов упорного выслеживания добычи смешала охотникам все планы и спугнула дичь.

В заботливые руки нянек тогда вернулась замерзшая, зареванная, с мокрой от набившегося за ворот снега рубахой, но довольная собой. Потому что огромный дикий кабан сбежал, а

боярин Савелий, всегда раздражавший меня подлым взглядом и хитрыми улыбками, получил в дар стрелу чуть ниже поясицы.

Собственно, потому я зареванной и была – пришлось достоверно изображать страх, растерянность и раскаяние, когда дядька Емельян на меня орал из-за стрелы, пущенной не в срок и не в ту сторону.

Но это было тогда, а сейчас что-то зашуршало в кустах, предостерегающе ухнула сова. Совсем рядом в темноте кто-то засмеялся. И Марька понесла, словно под хвост кнutom ужа-ленной.

Сначала я еще пыталась ее остановить, кричала, тянула поводья, надеялась взять ситуацию под контроль, но обезумевшее от страха животное ничего не чувствовало и на знакомые еще с жеребьчих времен команды не реагировало. Потому пришлось мне смириться, прижаться к лошадиной шее, пряча лицо, а главное – глаза от хлестких веток, дожидаясь, пока безумие схлынет и Марька успокоится.

Невнятный смех, едва слышный из-за свиста ветра в ушах, и бросающие в дрожь шепотки, преследовавшие нашу сумасшедшую скачку, заставляли меня малодушно надеяться, что остановимся мы нескоро. Желательно в каком-нибудь тихом и спокойном месте, куда нечистой силе путь закрыт.

А остановились у реки.

Бурный поток пенился и шипел. Это-то шипение чем-то особенно сильно напугало Марьку... да и меня, если уж быть честной. Пусть в походы с дядькой я не ходила, да и охоту не сильно жаловала, но карту наших земель знала хорошо. И точно могла сказать, что таких беспокойных и широких рек у нас не было.

Как и мрачных еловых лесов, что возвышались на том берегу угрюмой тревожной стеной.

Наши леса славились мощными дубами да хрупкими березками, но никак не таящими угрозу елями. Их у нас и не было почти. Лишь в глуши, близ Рудных болот, разросся небольшой еловый лес, в самом сыром да топком месте, словно предупреждая всех случайно забредших путешественников об опасности.

Здесь же опасность была везде.

И чувствовала это не я одна. Кобыла резко встала, чуть не выкинув меня из седла, трусливо попятилась от реки, трясая головой и прядя ушами, сопровождая свое отступление жалобным ржанием и пофыркиванием.

– Нельзя, Марь, нельзя обратно, – с трудом справившись с пятившейся лошадью, я спустилась на землю и обняла ее за шею, – там опаснее, чем здесь.

Может быть, лишив себя косы, совершив такую вопиющую глупость, я утратила право зваться Премудрой, но не растеряла знаний. И была уверена: дорога, что вывела меня из Тающего леса в это опасное место, обычной не была.

Ночь – время нечистой силы, об этом даже дети знали. Нельзя ночью в одиночку бродить, а если уж понесло лихо в путь после заката, то ни в коем случае с дороги людской не сходить, на голос не идти и на вопросы повстречавшихся на пути незнакомцев не отвечать. Иначе заманит нечистая сила на свою тропу да загубит.

Неосторожным в наших землях быть опасно...

А я сглупила, не заметила недоброго умысла и угодила в чью-то чужую злую игру. Сначала заманили на тропу, закружили, запугали да выплюнули в незнакомом, но страшном месте, не иначе ожидая, что я обратно брошусь.

Знакомы мне были такие игры, не раз я их видела в исполнении домашних котов. Развлекаясь с пойманной мышкой, они дарили ей призрачную надежду, ждали, пока жертва поверит в спасение, а потом ловили.

Сейчас я была той самой мышью.

– Тише, девочка, – срывающимся голосом пыталась успокоить я лошадь и саму себя, – все хорошо будет. Мы выберемся отсюда.

Марька мне не верила. Я себе тоже особо не верила, но упрямо обнимала кобылу за шею, гладила по щекам и шептала, шептала в подрагивающее пушистое ухо:

– Главное – солнца дожждаться, а там уж нам никто страшен не будет. Вот увидишь.

– Люблю наивных дурочек, – признались насмешливо из темноты, – они самые вкусные.

Сердце пропустило удар, скованное ледяной корочкой животного ужаса, а я лишь крепче прижала к себе Марьку. И зажмурилась.

Главное – не разговаривать с ним, а лучше даже не смотреть. Оберегов у меня много, и все они исправные, специально для княжеской дочки сделанные. Вреда мне причинить незнакомец не может... если я сама ему этого не позволю.

Недолгая выжидающая тишина была оборвана недовольным:

– Некрасиво игнорировать того, кто хочет тебе помочь, – с осуждением сказали мне. Звука шагов я не слышала, но голос раздался совсем рядом. – Ну же, посмотри на меня.

Уткнувшись носом в лошадиную гриву, я упрямо продолжала молчать. Помочь он мне желает, как же. То-то первым делом мои вкусовые качества оценил...

– Чего молчишь? Родители запрещали с незнакомыми нелюдьями разговаривать? – насмешливо вопрошал он, не желая отставать. – А если мы познакомимся? Меня Тугарин зовут. Тугарин Змей.

Я молчала. Дядька бы мною гордился. Панике не поддавалась, не разревелась, встречу с опасной нечистью переношу стойко. Не вздрогнула даже, когда он назвался.

Хотя про семейку Змеев во всех государствах только плохое рассказывали... но самым страшным было даже не это – жили Змеи в Тринадцатом государстве. В Кошечьем царстве. В самом мрачном и опасном месте, от которого земли нашего царя отделяло целых три государства.

И меня тоже отделяло, пока я на тропинку не встала.

Теперь мне предстояло как-то выбраться из Кошечьих земель и преодолеть не менее опасное царство Несмеяны... Дальше-то все было уже не так страшно. Тринадцатое государство еще при правлении бабушки нашего царя заключило с нами мировую, так что встретят меня там радостно и отправят куда попрошу.

Главное – отделаться от Змея и выбраться из этих гиблых мест.

– Глухая, что ли? – Тугарин между тем отставать не спешил.

Я стояла как каменная, утверждая его подозрения. Пусть лучше считает меня глухой, авось в покое оставит.

– Ну ладно, глухая, – решил он после нескольких мгновений тяжелых дум. – Тропинка кого попало к Гиблой реке не выводит, значит, придется тебя в замок вести.

И вот тут я чуть было не совершила ошибку, так велико было желание воскликнуть «Нет!». Сдержалась, лишь вскинулась да глаза открыла, чтобы совершенно невоспитанно вытаращиться на стоящего передо мной мужчину... несколько чешуйчатой наружности.

– Слышишь! – хохотнул он. – Точно слышишь!

Тугарин был высок, богатыри наши, конечно, в росте ему не уступали, а шириной плеч и превосходили, но не было в них этой подавляющей звериной мощи, что сейчас пригибала меня к земле. Он был нечистью, очень сильной и очень опасной.

Непривычно гладкое, безбородое лицо поражало резкостью, неправильной прямою линий и нездоровой бледностью кожи, выделенной серебряным сиянием полной луны. Глаза Змея в темноте казались бездонными, лишь тонкий ободок радужки сиял тихим зеленым светом. И чешуя, едва заметно зеленевшая на висках, поднималась вверх по коже и пряталась в темных волосах. Длинных, но не перехваченных очельем, как это у нас принято, а собранных в хвост.

По бледным его губам блуждала легкая улыбка.

И я сделала то, что на моем месте сделал бы любой нормальный человек, – медленно попятилась от него. Марька, которую я продолжала обнимать за шею, недовольно фыркнула, но послушно побрела за мной.

Тугарин сокрушенно вздохнул:

– Почему с вами, людьми, всегда так сложно?

Глаза его сверкнули, зрачок отразил лунный свет и ослепил меня на одно короткое мгновение, ночь наполнилась мерцанием белых роящихся точек. Я пошатнулась, но устояла на ногах, слепо нашарив на груди разогревшийся, почти обжигающий ладонь оберег.

Защитил, уберег, спас.

Змей выругался, но не отступил, только спросил мрачно:

– Подготовилась, да? Но теперь-то я тебя точно Кощею привезу. Давно царевен в наши земли не заносило. Я уж и надежду всякую потерял.

И вот тут у меня был выбор: рискнуть и объяснить ему, что я не царевна, а всего лишь княжна, или не рисковать и молчать. Кто знает, на что эта нечисть способна? На какие подлости?

И я промолчала. Пожалуй, по дурацки мое решение сбежать от Тугарина легко могло встать на первое место, потеснив побег и остригание косы. Но он же Змей – не простая нечисть, он приближенный Бессмертного, и сила ему дана немереная.

А у меня пусть и много оберегов, но против такой мощи они едва ли выстоят...

Потому на Марьку я запрыгнула лихо, как дядька своих воинов учил, пришпорила и с визгом полетела вперед, прямо в бурный речной поток. Хотела притормозить и скакать вдоль невысокого каменистого обрыва, вниз по течению, но кобыла, напуганная страшным шипением разгневанного Змея позади, не послушалась поводыря и сиганула в реку.

С диким ржанием она ушла под воду и утянула за собой меня.

Я выскользнула из седла, почувствовала, как по бедру ударила уздечка, на ощупь нашла какой-то ремень на морде кобылы, за него и ухватилась, больше боясь даже не утонуть, а потерять лошадь.

Кружило меня недолго, но основательно, я успела нахвататься воды и трижды чуть не выпустила Марьку из рук. А под конец, почти потеряв сознание, почувствовала холодные руки на своих плечах. Меня резко дернуло вниз, вырвало из пальцев повод, за который я так отчаянно цеплялась, и утянуло в короткую, но непроглядную темноту, взорвавшуюся журчанием воды и задорным девичьим смехом.

Смех оборвался, стоило мне только открыть глаза.

– Человек, – с придыханием прошептал кто-то нежным, подрагивающим от эмоций голосом.

– Девица? – робкий вопрос и тут же последовавший уверенный ответ:

– Да не-е-е, волосы-то короткие.

– Но грудь есть...

– Кто сказал, что грудь? Может, это сума с золотом так удачно легла? Было у меня несколько утопленников, так они деньги за пазухой хранили. Представляешь?

– Да девка это, – раздалось сбоку от меня. – Что я, девку от парня не отличу? К тому же Тугарин ее царевной звал.

Признание это вызвало странное оживление. Восхищение граничило с паникой. Заголосив на разные лады, впечатлительные девки требовали звать Водяного и вопрошали, что же теперь будет.

– Как же ты ее из-под самого носа у Змея увела?

– А что, если он придет счет нам выставлять за покражу?

– Водяного зовите! Водяного!

– Прямо из-под носа? И что он сказал?

– Злющий, наверное...

– А если Кощею нажалуется?

– Не нажалуется. Гордый.

– Да не краля я ее! – перекрыл все подрагивающие голоса один возмущенный. – Эта дурная от Змея в Гиблую реку прыгнула, я ее спасла. Хорошенькая же, вдруг Водяному понравится? А волосы, они отрастут.

Прекратив отупело разглядывать небо, голубое, непередаваемо ясное и оттого кажущееся фальшивым, я медленно повернулась на бок, и вот только тут организм сообразил, что мы чуть не утонули, все еще под завязочку полны воды и не дышим.

Закашлялась, выворачивая на песок все те реки-океаны, что успела в себя всосать. Ноги омывала прозрачная искристая водица, но я этого почти не чувствовала, пытаюсь выкашлять внутренние органы и в то же время вздохнуть.

– Зачем меня звали? – прогудел густой сильный голос, и сразу за ним раздался трусливый тихий плеск.

Я спиной почувствовала, как отмель осиротела, а все болтушки, что сейчас так охотно и эмоционально обсуждали мою персону, ушли под воду. Запоздалое осознание оглушило: меня спасла русалка. Я сейчас в озере Водяного, все еще в Кошечевом царстве. Вроде как спаслась, но это неточно. А Марька... Марька осталась в Гиблой реке, и я очень надеялась, что она выплывет.

– Деви-и-ица, – заискивающе проблеял уже знакомый голос моей спасительницы. – Нашла, для вас принесла, порадовать. Авось по нраву придется да вы ее сестрой нашей сделаете.

– Девицу? – заинтересовался голос.

Откашлявшись, я медленно подняла голову, чтобы встретиться с оценивающим взглядом зеленых глаз. На меня смотрел сам Водяной. Как бы речной царь, но находящийся на службе у Бессмертного.

– Утопиться пытались? – деловито спросил он, сложив руки на груди... на бледно-зеленой, с характерными для жабьей шкуры разводами, широкой груди.

Узкое, такое же зеленоватое лицо оказалось совершенно безбородым, а в длинных волосах, светло-русых с неизменным легким зеленым налетом, копошились бодрые недружелюбные змеи.

Стоило мне сдавленно икнуть, как на меня сразу три зашипело, прекратив выискивать что-то среди спутанных прядей.

– Сбежать, – робко ответила русалка, – от Тугарина Змея. В Гиблую реку от него бросилась, там я ее и подобрала.

Скосив глаза на свою спасительницу, первым делом я увидела внушительный бюст, прикрытый нитями жемчуга и тонкой полупрозрачной тканью незнакомого мне вида. В наших землях такой не было... да и не стал бы никто подобный срам носить, даже под платьем. Она же не скрывала, а, напротив, обрисовывала все изгибы.

Смущенно опустив взгляд, я увидела хвост и слегка подвисла. Огромный, изумрудно-чешуйчатый, он мягко переливался зеленоватым цветом.

Водяной же был гордым обладателем ног, укрытых подкатанными до середины икр штанами, и нигде на нем не было видно чешуек. И щупалец не было, и усов как у сома... и это было возмутительно!

Потому что русалки оказались именно такими, как в сказках, красивыми и хвостатыми, а Водяной подкачал.

– Зовут тебя как, утопленница? – спросил он, изобразив на своем зеленошном лице подобию улыбки. Не стоило ему этого делать, потому что теперь я еще и зубы его увидела – острые,

совершенно нечеловеческие... жуткие совсем. Даже у Тугарина зубы были почти обычными, просто с излишне длинными клыками, а тут все было куда хуже.

Разумеется, я промолчала. Дура я разве, с нечистью беседы вести?

– Тоже суевериями пуганая, – вздохнул Водяной, правильно оценив упрямое молчание, и велел моей спасительнице: – Милада, позови Варвару.

Дважды просить ему не пришлось. По песку прошуршал хвост, за спиной плеснуло, и русалка уплыла.

Я с заминкой поняла, что так и не видела ее лица.

– Пока она идет, я тебе кое-что расскажу, – Водяной подошел и с совершенно безмятежным лицом опустился на песок рядом со мной, сделав вид, что не заметил, как я невольно отползла от него, прежде чем сесть. – Девиц против их воли я больше не топлю, теперь у меня принципы.

Я стойко молчала, давя на подлете все вопросы, что рождались в моем лихорадочно работающем мозгу. Потому что узнать, какие у него принципы, было бы, конечно, интересно, но расставаться с жизнью из-за неуместного любопытства – очень глупо.

– Полагаю, ты хочешь узнать, что же это за принципы такие могут быть у беспринципной злобной нечисти, – словно прочитав мои мысли, продолжил он. – Сейчас я тебя с ними ознакомлю.

Водяной вздохнул тяжело и добавил:

– Еще хочу, чтобы ты знала: теперь я глубоко семейный человек и не могу без веского повода девиц в русалок превращать. У тебя, конечно, повод есть, интерес Тугарина еще никто пережить не смог. Потому, пока есть пара минут, ты подумай, готова ли обзавестись хвостом и быть у меня на посылках или желаешь удачу попытать и человеком остаться. Но имей в виду, если уж кто-то из Змеев себе жертву выбрал, он ее везде найдет, из-под земли достанет и из воды выловит.

Запугал меня и замолчал, увлеченно разглядывая водную гладь... будто раньше ее никогда не видел. А я думала, все те три минуты, что у меня были, думала, да так ничего и не надумала.

Да и что бы я могла дельного придумать, если всего несколько часов назад из дома бежала, планируя свою жизнь в сторону ведовства увести, а сейчас сидела в Кошечевых землях, в гостях у Водяного, чуть притопленная после встречи с Тугариным?

Поразмышлять еще о своей безрадостной судьбе мне помешало шуршание в кустах. На пологий берег, хрустя яблоком, вышла невысокая, усыпанная веснушками девица, русая ее коса задевала траву, и я невольно загрустила. У меня ведь такая же была совсем недавно. Длинная, густая, красивая. Гордость моя.

– Звал? – дружелюбно поинтересовалась девица, с любопытством поглядывая на меня. В простом платье до земли из небеленого льна, без бережной вышивки или хоть каких-то украшений, она выглядела удивительно юной и красивой.

– Знакомься, Варенька, Милада нам новую утопленницу принесла, – с настораживающей нежностью произнес Водяной. И обратился ко мне, уже не так мягко: – И ты знакомься, неразговорчивая. Варвара, дочь мельника. Три года назад мне ее русалки принесли, тоже в реке чуть не утопла, от постылого спасаясь. Отец ее за сына кожевенника выдать хотел, а у нее другие планы на жизнь были. Варя у травницы в помощницах ходила, желала людям помогать. Теперь со мной живет.

Я решительно не верила своим глазам. Девка была румяная, круглолицая, довольная жизнью и своим, в общем-то, незавидным статусом пленницы Водяного. А еще она была живая...

– Что тебя так удивляет? – спросила Варвара. Без страха или хотя бы опасения, она подошла к Водяному и совершенно естественно, казалось даже не задумываясь о том, что делает, оперлась о его плечо, чтобы присесть рядом.

Я бы молчала, но она же была человеком, она была живая, и она не боялась нечисти, что, так легко перехватив руку с яблоком, отхватила острыми зубами внушительный кусок... И я не выдержала:

– Да как так-то? Это же невозможно!

– Сама так же думала, – кивнула она, – но все оказалось немного не так, как мы привыкли считать.

– В смысле?

– Людей мы едим, – ответил за девушку Водяной, – но без надобности не убиваем. И если бы необходимость была, легко бы от вашего мяса смогли отказаться.

– Но необходимости нет, – подхватила Варвара. – Мы их боимся, они нас едят. Замкнутый круг какой-то. И исправить это невозможно.

– А если бы мы вас не боялись, вы бы нас не ели? – с сомнением спросила я.

– Именно так, – кивнул Водяной. – Но вы нам не верите, боитесь нас. Так зачем себя ограничивать? Раз уж оценить этого никто не сможет.

– Почему? – не поняла я. – Можно же все рассказать. Нужно лишь узнать друг друга получше, всего делов-то! А вы нас вместо этого едите.

– А кто на такое решится? – с нескрываемой иронией спросил Водяной. – Кто согласится узнать нас получше?

И я ему ответила. Смелости хватило на придушенное:

– Я могу, – но и это уже была победа над собой.

Невольно втянув голову в плечи, я ждала, что он сейчас на меня набросится. В горло вгрызется своими острыми зубами или сразу в реку потянет, топить...

Водяной рассмеялся.

– Ты?

– А что? – я уже загорелась идеей и даже приблизительно представляла, с чего все начну. – Я грамоте обучена. Все запишу и царю нашему на суд отдам.

Перед глазами уже маячил надежный и безопасный способ вернуться домой.

– Девочка, – покачал он головой, но я уже не обращала внимания на его снисходительное недоверие.

– Василиса, – представилась я, думая о том, что, возможно, действительно смогу целой и невредимой в родной дом вернуться. Ушатом холодной воды окатило запоздалым и робким опасением: при условии, что все это правда и меня не обманывают.

– Что вы можете мне о себе рассказать? – отмахнувшись от страхов, я решительно тряхнула головой.

Я справлюсь, иначе никак.

Идея моя была встречена снисходительным недоверием, но губить ее на корню Водяной не стал... На самом деле ему просто Варвара не дала возможности высказаться.

– А ведь это чудесная задумка! – обрадовалась она.

И, в общем, все. Воодушевление ее было единственным и главным доводом для Водяного согласиться. Сговорились мы на том, что сейчас я выслушаю его историю жизни, запишу все, а потом в люди пойду, глаза им на правду открывать...

Как заверила Варвара, начинать и правда лучше с Водяного, остальная нечисть может не разделить наше стремление примирить Тринадцатое государство со всеми остальными.

Я не возражала и уже предчувствовала, как после короткой беседы с Водяным вернусь домой... честно попытаюсь все батюшке разъяснить про нечисть, а там уж как судьба сложится. Главное – из этих страшных земель вырваться.

Заразившись энтузиазмом Варвары, две кикиморы нашли мне бумагу, русалки отыскали писчее перо и не поленились даже лешего заставить мне дощечку для бумаг выстругать, чтобы я могла со всеми удобствами опрашивать их хозяина.

Расположились мы под березой, недалеко от озера. Я с бумагой, пером и лукошком ягод, что притащила для меня смущенно хихикающая, зелененькая и тощенькая, по-подростковому нескладная кикиморка. Задобрить, стало быть, пыталась, чтобы я покрасивше про Водяного все написала.

Ягоды были спелые, сочные, одуряюще пахли и буквально притягивали взгляд.

– Итак, – с трудом отвернувшись от подношения, я решительно перешла к главному, – давайте начнём с самого начала.

– С начала, – послушно повторил Водяной, непонятно чему улыбаясь.

– Да. Скажите, вот кем вы хотели стать в детстве?

– В детстве? Когда был мальком? – уточнил он.

– Д-да.

– Я хотел стать Владыкой морским.

– Что?

– Ты же не думаешь, что быть хозяином озёр и рек – предел моих мечтаний? – удивился Водяной. – Не пойми меня неправильно, мне нравятся мои владения, но ведь где-то же есть моря-океаны, и им тоже нужен хозяин.

– Хозяйки-то им недостаточно, – с серьезным видом кивнула я, решив не спорить, и послушно записала слова Водяного несколько кривоватым из-за неудобной позы почерком.

Увлеченно дописывая предложение про достойную уважения мечту малька-Водяного вырасти и занять место Владычицы морской, я не обратила внимания на странный плеск за спиной. От озера мы отделились, разместившись на траве, и к воде я сидела спиной, потому не видела, как медленно и зловеще из озера показалась свирепая чешуйчатая рожа Тугарина.

Зато это видел Водяной и очень впечатлился.

– Василиса...

– М-м-м? – не поднимая головы, я старательно дописывала последнее слово, желая, чтобы оно хотя бы читалось.

– Помнишь, я говорил, что Змеи свою добычу везде найдут? – начал он издали, напряженно следя за Тугариным, выползающим из воды и быстро возвращающим себе человеческий облик.

Змеем он был в прямом смысле и, когда сбрасывал человеческую кожу, вырастал в огромную гюрзу невероятного изумрудного цвета.

– Помню, – подтвердила я, опасливо подняв взгляд на Водяного. И то, что я увидела, мне совсем не понравилось.

Зеленоватая его кожа выцвела, утратив свой естественный оттенок, змейки в волосах притихли, не выдавая своего присутствия ни единым звуком. Варвара, до этого сидевшая рядом с Водяным, переползла за него, укрывшись за широкой спиной.

И даже кикиморки, любопытно выглядывавшие из кустов и прислушивавшиеся к нашему разговору, прыснули во все стороны, не желая встречаться с Тугариным.

– Мне жаль.

Вот казалось бы, ну что такого он сказал? Однако ж я сразу поняла, что за спиной у меня притаилось что-то страшное и помощи ждать от этого самонадеянного малька нет смысла.

Не водилось в Тринадцатом царстве настолько сумасшедшей нечисти, что решилась бы супротив приближенных самого Кошечья пойти. Среди нечисти дураков было еще меньше, чем среди людей. Потому, наверное, что инстинкты у них работали исправнее...

Оборачивалась я медленно, до последнего не веря, что мне действительно может так не везти.

Я же уже договорилась, я же уже поверила, меня же ждало незабываемое путешествие по подводным течениям в родное озеро, из которого до бабушкиного двора рукой подать. Нужно было всего лишь Водяного выслушать и все за ним записать.

Ну зачем Змей здесь? За что?

– Послушайте, давайте мы с вами все решим миром, – робко предложила я, отложив в сторону все свои писчие принадлежности. – Позвольте объясниться...

– Надо же, заговорила, – хмыкнул Тугарин зло, напрочь проигнорировав мое разумное предложение.

– Да, понимаете, у нас тут...

– Плевать, – оборвал меня он.

И объяснить ничего я уже не смогла. Глаза Змея страшно сверкнули опасной колдовской зеленью, шнурок, на котором висел мой резко разогревшийся оберег, лопнул. Свалился в траву, не сумев выстоять против чужой силы. Я упала рядом, еще успев понять, что сознание мое украли, но не успев испугаться.

Темнота оказалась теплой.

Глава 2 О гостеприимстве и неудачных идеях

В себя приходила очень медленно и печально, неудобно обвиснув в чьих-то руках. Неслышанное дело для незамужней девки, на самом деле.

Но я к этому была привычная, не единожды дядька меня с полигона обессиленную на руках уносил. И чувствовала я себя в те времена точно так же, как и сейчас, – больной, измученной и жалкой. Правда, раньше недомогания проходили куда дольше и болезненней, сейчас же повезло больше, слабость ушла на удивление быстро...

– Да ты посмотри на нее, – ворвался в стылый туман моего сознания странно знакомый голос, – она ли на царевну не похожа?

– Коса где? Платья и нянюшки? – хрипло отозвался кто-то, судя по всему, пристально меня разглядывая. Лицо мое укрывали растрепанные волосы, и видно говорившему было мало, но исправить это он не спешил... мне на счастье. – Говоришь, она на лошади приехала? Много ты царевен, конной езде обученных, видел?

– Кош, ты мне скажи: много ли мы вообще царевен видели? Трех всего. Да и Марья твоя...

– Не будем про Марью, – отрубил незнакомец, и Тугарин покорно сменил тему:

– А кольцо как же? Огненный опал, царский камень...

Против такого довода незнакомец ничего возразить не мог.

Опал был, кольцо было... А то, что это кольцо мне от матери досталось, что младшей дочери царя из Триседьмого царства была, эти двое знать не могли.

Батюшке моему повезло, во времена его молодости наследников было мало, в царских семьях все больше царевны рождались, а межгосударственные связи укреплять было нужно. И взялись цари своих дочерей за приближенных сватать. Так и породнилось наше Тридевятое царство с Триседьмым, а я колечком обзавелась.

Аккурат три дня назад и обзавелась. Матушка мне его перед приездом жениха моего несимпатичного отдала. Колечко это непростое, заговоренное, сильное очень: от злых духов оберегает, проклятие снимает, рассудок хранит...

И вот, жизнь мою сохранило. Потому что не быть бы мне сейчас живой, не прими меня Тугарин за царевну. Княжну-то он наверняка съел бы без всякого сочувствия.

Я висела в руках Змея, опасаясь даже дышать.

– Давай хоть попробуем, – просительные нотки в голосе Тугарина озадачили меня и странным образом смирили его собеседника.

– Сам будешь с ней нянчиться, – рубанул тот, ничуть, впрочем, не напугав этим Змея.

– Если на то твоя воля, – с энтузиазмом ответил он, уже деловито и самоуверенно спросив: – Позволено ли мне будет идти? Царевне нашей нужно покои подготовить...

– Твоей. Мне до нее дела нет.

– Это пока.

Показалось или нет, что сказано это было многообещающе и даже зловеще, но я на всякий случай забеспокоилась и постаралась как можно достовернее изображать беспомощность.

И шаги с поворотами считала очень усердно, и ступени, и вообще старалась запомнить дорогу, по которой Змей меня в «покой» нес. Очень предусмотрительно с моей стороны, к слову, потому что покоями оказалась мрачная холодная темница, выбитая, казалось, в самом теле замка – в цельном камне. Без окон, с решетчатой железной дверью и весьма скудной обстановкой: кроме узкой кровати, стула и напитанных магией факелов, здесь не было ничего.

На кровать-то меня и сгрузили.

Тугарин постоял немного, пофыркал, вспоминая, как нелегко оказалось царевну в их злодейское логово затащить и как мокро ему было меня в Гиблой реке выискивать.

Надеялся, наверное, что я того стою...

Потом просто развернулся и ушел, не забыв запереть дверь. Связка злорадно звенела, когда он проворачивал ключ в замке. Я лежала, не двигалась – выжидала.

Кошечья Бессмертная нянюшка пугали меня с самого малства, обещаясь отдать ему после каждой достаточно серьезной шалости. Сначала я боялась и плакала, потом просто боялась, к тринадцати годкам уже начала храбриться, в пятнадцать уверилась, что даже сам Кошечья мне не страшен, и смело огрызалась, требуя подать его мне прямо сюда. Уж тогда-то я ему покажу...

Лучше бы, наверное, боялась, с дядькой глупостями не занималась и в горнице над вышивкой безвылазно сидела. Тогда бы не решила по дурости своей непроходимой от жениха сбежать, смиренно приняла бы свою судьбу и сейчас не в темнице томилась, а дома к отъезду готовилась. Раздражаясь на санных девок и нервничая из-за предстоящей поездки в столицу.

Вместо того я раздражалась на себя и нервничала из-за неминуемой встречи с Кошечья. Конечно, дурой я не была и прекрасно понимала, с кем Тугарин разговаривал, но одно дело – в присутствии Бессмертного бесчувственной прикидываться, и совсем другое – смелой и не запуганной.

Были серьезные опасения, что не сдержусь я и расплачусь.

Недолго позвякав ключами, Тугарин повесил их на крючок рядом с дверью, в недосягаемом для меня месте, будто бы издеваясь. Я лежала не шевелясь, ждала, пока он не уйдет, потом еще немного – просто для порядка и на всякий случай. И лишь убедившись, что Змей меня покинул наверняка, медленно села на постели... Хотя какая это постель? Ни перины, ни одеял или подушек – только тонкая подстилка и прохудившееся в некоторых местах покрывало.

Повезло очень, что Водяной меня сразу высушил, будто играючи, всего-то подув мне на макушку: просушив и волосы, и одежду, и даже сапог... Сапог, к слову, так и остался у Водяного. Один я в реке потеряла, вместе с Марькой, а второй мне был уже без надобности – босой и то удобнее.

Не помоги он мне, сейчас бы мерзла на сквозняке. Не то чтобы я так не мерзла, но прекрасно понимала, что мокрой мне бы здесь совсем туго пришлось. Ребенком я была не болезненным, дядька выправил да закалил, но даже его уроки не спасли бы меня от переохлаждения.

Зябко поджимая ноги, я дошла до двери, честно попыталась дотянуться до связки ключей – ржавых, длинных и каких-то даже хищных, в неверных отсветах факелов будто бы щерящихся на меня резкими бороздками. Выпачкала рукав в сырую ржавчину – старыми здесь не только ключи были – и ободрала локоть в кровь, когда раздраженно руку из решеточного плена возвращала.

Это можно было считать последней каплей. Я и так многое вытерпела, не сорвалась сразу, потому что понимала, что побег от жениха – серьезная повинность и мне за нее ответ держать предстоит.

Но... не настолько мой проступок был страшным, чтобы меня узницей делать и в темнице запирали!

Я не заслужила!

Пнув проржавелые, как и все здесь, цепи, я больно отбила пальцы о тяжелый железный ошейник и разрыдалась, свалившись на пол рядом с возмущенно звякнувшими кандалами, зловеще вспыхнувшими полустертыми защитными рунами в ответ на мой раздраженный взгляд.

Использовали их в прежние времена, судя по всему, часто, а потом вот забросили... давненько забросили, если быть совсем точной.

Слезы еще не высохли, а я, вытирая нос рукавом (увидели бы нянечки – чувств бы лишись), уже полезла под кровать, смотреть, к чему эти цепи крепились.

Крепились они к внушительному кольцу. Широкому, надежно вбитому в пол...

– Это ты тут, что ли, буянишь? – тоненький, срывающийся на писк голосок меня напугал. Изрядно струхнув, я дернулась, ударилась затылком о кровать, стальную, тяжелую, будто вросшую в камень, и выползала уже осторожно, тихо постанывая, потирая шишку и ругаясь.

Ругалась теми самыми словами, которые дядька не разрешал своим дружинникам при мне вспоминать. Но они о приказе часто забывали, когда воеводы не было рядом, а я исправно запоминала все слова и выражения и даже могла примерно представить, когда и по какому поводу их стоит употреблять.

Смышленная была, что тут говорить. Ну... раньше была. А потом косу отрезала, и все как-то сразу разладилось.

У двери, держась за прутья передними лапками, стояла большая, откормленная белая крыса с длинным шипастым хвостом.

– Ты невоспитанная, да? – спросила она, красные глазки-бусинки смотрели на меня с наглым любопытством.

– Что?

– Воспитанные девки таких слов не знают. Даже когда я в горницу из темного угла выскакиваю, не знают.

– А невоспитанные? – сдавленно спросила я. Сил не было даже на то, чтобы удивляться. Слишком много всего произошло за последние часы. Кривая тропка, Гиблая река, русалки, Водяной... Варвара. И Тугарин, Тугарин, везде Тугарин.

Я слишком устала и не могла найти в себе сил на адекватную реакцию, что должна была бы последовать при встрече с говорящей крысой... В смысле, визжать или падать в обморок я не стала.

– Невоспитанных я еще не видел, – честно призналась крыса... крыс. Потом спохватился и добил меня вежливым: – Но где мои манеры? Позвольте представиться: Мыш.

– Мышь... – повторила я отупело.

– Мышка-норушка, если быть точнее. Но ты, невоспитанная девочка, можешь звать меня Мыш.

– Василиса, – представилась я. Не хотелось просто быть «невоспитанной девочкой», не для того в меня нянюшки знания разного толка вбивали, чтобы крыса, будь она даже мышкой-норушкой, сомневалась в моем воспитании. Я не невоспитанная, просто всесторонне развитая...

Мыш кивнул, дернул носом и решил бросить меня одну в этой темнице.

– Познакомились, а теперь я, пожалуй, пойду.

Я не могла этого позволить. Не могла допустить, чтобы единственная надежда на спасение вот так просто ушла, помахав мне на прощание шипастым хвостиком...

– Подожди!

Мыш остановился, со странным торжеством поглядев на меня. Плохой у него был взгляд, да и самодовольный вид остроносой мордочки должен был бы меня насторожить, но я хотела на свободу и хотела домой.

И цену за свободу признала справедливой. Он помогает мне выбраться из клетки и замка и доводит до владений Водяного, я угощаю его сыром.

Я была не против, я считала плату за спасение не такой уж большой. Мыш не понимал, чему я так радуюсь, но по стене к ключам карабкался проворно и быстро, на пол скинул и тут же ко мне потащил.

И даже не сильно торопил, пока я лихорадочно подходящий ключ выбирала.

А уже после, когда я со зловещим скрипом дверь открыла да свободу почувствовала, легко забрался по одежде мне на плечо и важно потребовал:

– А теперь пошли на кухню.

Я замялась, желая уговорить его согласиться на сыр с кухни моего батюшки. Раз уж он из темного угла в светлицу человеческих девок выскочить может, то и на кухню в княжьем доме способен будет попасть, а уж я-то его там не обижу. Отблагодарю от всей своей человеческой души...

Мыша это не устраивало.

– Кошечью нажалуюсь. Скажу, ты меня заставила угрозами, шантажом и магией. Скажу, что ты ведьма! А ведь он знаешь как не любит? – щекотно пищал он мне в ухо.

– Как? – прекрасно понимая, что уговорить его не удастся, я просто пыталась понять, зачем тогда вообще из темницы своей выбиралась. Чтобы Мыша до кухни донести?

А мне за это что будет? Злой Тугарин и, возможно, недовольный Кошей?

А я после такого вообще выживу?

– Люто!

Молча, не вздрогнув, даже когда пальцы коснулись мягкой шерстки, я сняла Мыша с плеча, осторожно опустила его на пол и молча же вернулась в темницу. И даже дверь закрыла. Не на замок, просто закрыла.

– Ты что это? – опешил он.

Вытирая испачканную ржавчиной ладонь об уже и без того изгвазданную рубаху, я призналась:

– Я тут подумала и решила, что не готова еще умирать. Я слишком молода.

– Зачем умирать? – растерялся Мыш. – На кухне домовые только, а они людей любят. А уж тебе-то как рады будут. Ведь, почитай, никто из вашего племени к ним не заглядывал еще с тех времен, как тут Марья Моревна гостила. Но и она не человек... ведьма она.

Про Моревну он говорил зло, с такой горячей ненавистью, что мне и самой не по себе стало.

И я полностью уверилась, что выходить мне не стоит, ведь это я к ней в ученицы стремилась, да судьба иначе рассудила. И завела меня в те края, где к Марье относятся враждебно.

– Домовые мне вреда не причинят, а когда Тугарин узнает, что я сбежала, тогда настигнет и съест. А если на кухне настигнет, то по его приказу домовые меня Змею и приготовят. С травками нужными зажарят да на стол на блюде подадут, – я говорила тихо, но уверенно, ничуть не сомневаясь в правильности своих слов. Потому что, как бы хорошо к людям местные домовые ни относились, послушаться приказа они были не в состоянии. Уж если Кошей их силу в открытую пользует, стало быть держит их волю в своей руке...

Мыш раздраженно дернул меня за прядь:

– Не поймает тебя Тугарин. Как только ты для меня у домовых сыру выпросишь, я тебя из замка тайной тропой выведу, никто и не узнает.

Сомневалась я недолго. Видать, и правда с косою кое-что важное дома оставила. Разум.

– Хорошо. Заглянем на кухню, сыру тебе попросим – и сразу прочь из замка.

– Договорились! – азартно пообещал Мыш.

По коридорам мы крались со всей возможной осторожностью. Я старалась не шуметь, Мыш прислушивался к тишине, чтобы мы ненароком на кого-нибудь не нарвались.

Идти было зябко. Коридоры, согретые светом факелов, не казались зловещими или холодными, но ноги мои заледенели, и морозное онемение легко охватило все тело, и лишь близкое обещание спасения позволяло мириться с этим.

Вопреки моим ожиданиям да досужим слухам и сплетням, замок Кошей не был жутким. Просто холодный, несколько запущенный (паутина украшала все углы и белым покрывалом застилала высокие потолки) каменный дом. Непривычный, но не страшный.

На кухне и вовсе все оказалось дивно и сказочно. В клубах пара, среди одуряющих запахов еды творилось волшебство. Домовые готовили ужин.

Это в моем родном царстве к этому времени лишь светать начало, здесь же время клонилось к вечеру. У отделенного Гиблой рекой Тринадцатого государства все шло своим чередом.

Домовые заметили нас почти сразу, прекратили свою работу, уставились, замолчали. Напрягали меня внимательными взглядами нечеловеческих глаз и оставляли совершенно равнодушным Мыша.

Как на подбор, невысокие хозяйственные мужички с окладистыми бородками, собранными в сложные косы, закатанными рукавами простых рубах и дружелюбными открытыми лицами казались очень располагающими и домашними... если бы не взгляды. Янтарные, сияющие глаза с длинными горизонтальными зрачками напоминали глаза жаб.

– Ну чего уставились? – нагло спросил Мыш, обрывая пелену созерцательной жути. – Я вам человека привел. Хольте ее, лелейте, все ее просьбы выполняйте.

Домовым будто только это и требовалось – меня тут же взяли в оборот. В плед закутали, на ноги мягкие онучи намотали и где-то найденные лапти одели да за стол усадили, а передо мной поставили миску, до краев полную щей, рядом положили деревянную ложку и щедрый ломоть хлеба. И обступили стол кружком, с умилением глядя на меня.

Домовые чего-то ждали, Мыш ворчал мне в ухо, требуя, чтобы я выпросила его законный сыр.

– Чего молчишь, убогая? – раздражался он. – Просто попроси. Они ради твоей благодарности что угодно сделают.

– Почему? – я знала, что домовому, чтобы он не серчал и не безобразничал, надобно сливки оставлять, или молоко, или пирог, или еще что-нибудь. Неважно что, главное, чтобы от всего сердца. Раньше я не задумывалась, зачем это делается, если домовой – сам хозяин всего дома и волен взять с кухни все, что ему вздумается.

Теперь задумалась. Не было у домовых причин обо мне заботиться. Чужая я им была, они же на службе у Кошечья, а я его пленница. Так почему?

– Да потому что ты человек, а ваша радость для них слаще меда. Ни Тугарин или брат его, Горыныч, ни сотник волчьей стаи, часто в замке столующийся, ни даже сам царь-государь не способны дать домовым простой человеческой благодарности. Потому что не люди они, – терпеливо пояснил Мыш, потребовав за свою полезность: – А теперь проси сыра, ешь, что дают, и благодари их. Искренне благодари, чтобы каждому твоей благодарности хватило. Ты же не хочешь их обидеть?

– Ты мне выбраться из замка обещал, – напомнила я, с недовольством понимая, что все это слишком меня задерживает. Как бы беды не случилось...

– Так путь наш в печку ведет, – пожал плечами Мыш. На всякий случай прыгнул на стол, отошел подальше и уже оттуда, с безопасного расстояния, признался: – Без их разрешения ты все равно не выберешься. Все другие выходы под надзором Кошечья находятся.

На одно короткое мгновение невыносимо сильно захотелось не сыр для Мыша у домовых попросить, а его тушку мне на стол подать, запеченную с яблоками и черносливом. И чтобы непременно кусочек сыра в его пасти торчал.

Но я вдохнула, выдохнула, крепче закуталась в покрывало и смиренно попросила. Вежливо, робко, с самым трогательным выражением лица, на которое только была способна... С няньками это никогда не проходило, домовые же, будто только просьбы моей и ждали, целую головку сыра притащили, перед Мышем положили и на меня уставились.

Жутко.

Но я уже была научена, как правильно реагировать надо, и старалась радоваться, благодарить, восхищаться...

– А теперь ешь, – велел Мыш, голодным взглядом оглаживая сыр.

Домовики активно закивали, эхом подхватив слова Мыша:

– Ешь!

– Ешь!

– Ешь!

Если до этого зловещего рева я еще могла бы как-то сговориться с аппетитом и съесть все на радость местной нечисти, не избалованной людской благодарностью, то теперь у меня точно кусок в горло не полез бы.

– Только они могут ход открыть, – как бы между делом напомнил Мыш, примеряясь к сыру, решая, с какой стороны к нему лучше подступиться.

Я не хотела есть, я хотела вернуться домой, повиниться перед бабушкой, согласна была даже стать женой Ивана-царевича.

Хотела перевернуть тарелку, раскрутить за хвост Мыша и запустить его в окно.

Очень хотела расплакаться.

Но покорно взяла ложку и с натужной улыбкой, не чувствуя вкуса, проглотила первую порцию щей.

– В этом деле главное – искренность, – сварливо заметил Мыш, когда домовые, не удовлетворенные моей фальшью, подались вперед в надежде нащупать и уцепить хоть крупицу истинной благодарности.

Спасла меня, как ни странно, кикиморка. Тощая, нескладная, неожиданно серая, похожая на своих сестриц исключительно длинным тонким носом да копной черных курчавых волос с явной прозеленью. Одета она была не в простое платье, а в дорогой мужской костюм (становой кафтан, богато отделанный вышивкой, свидетельствовал о высоком положении кикиморы при дворе Кощея), а украшения из жемчуга и ракушек заменяла одна тонкая золотая цепочка, на которой висела связка ключей, тяжелая на вид.

Кикимора была в панике, на серых щеках горел нездоровый румянец, зеленые глаза лихорадочно блестели, а кончик острого носа нервно подергивался:

– Он за мной пришел! – верещала она. – За мной! Конец мне! Заберет обратно, на озера, заставит провинность отрабатывать! Пропала я! Пропала!

Пока кикимора носилась по кухне, рвала на себе волосы, заламывала руки и паниковала, Мыш успел пережевать жадно отхваченный кусок сыра, умыться мордочку и только после этого важно рявкнул:

– Тиха!

Странное дело, но она послушалась, замолчала, замерла посреди кухни, ломая пальцы и жалобно поскуливая, с надеждой глядя на Мыша.

– Бежана, ты прям как нечисть. Что случилось-то?

– Водяной к Кощею заявился, – простонала она, обессиленно закрыв лицо руками. – Небось меня возвращать пришел, не может смириться с тем, что кикимора в замке освоилась да до звания ключницы дослужилась. В Озерноводье свое вернет и лягушек ловить заставит.

– Водяной здесь?! – встрепелась я.

– Ты тоже считаешь, что он за тобой явился? – уперев лапки в бока, Мыш с чувством сказал: – Жена у Водяного имеется, понимаешь? Нет у него нужды за убогими девками гоняться.

Бежане же достался снисходительный взгляд красных глазок и наглост:

– Убогие кикиморы ему тоже без надобности.

– Умный, да? – вызверилась задетая Бежана. – Вот если такой умный, может, объяснишь мне, зачем он к Кощею на поклон пришел? С какой просьбой?

– Не ведаю того, но сейчас узнаю, – ткнув коготком в сыр, он велел мне: – Присмотри.

Мыш собирался бросить меня здесь, на кухне, среди домовых и реальной угрозы оказаться закормленной до смерти... Я не раздумывала: когда мимо меня по столу прошествовал наглый белый крыс, прихлопнула его хвост ладонью, с удивлением почувствовав, как шипы мягко ткнулись в кожу – и не острые совсем, – а на взбешенный взгляд ответила злым:

– Никуда ты без меня не пойдешь, – я уже решила, что проще всего и безопаснее будет переждать, пока Водяной с Кошеем сговорятся, а когда мой зеленомордый спаситель замок покинет, и мы с Мышем из него выберемся. Настигнем Водяного, да и потребую я у него тогда помощи.

Надеюсь, не откажет.

Мыш загрустил сначала, но быстро принял решение. Кивнул невозмутимо:

– Твое желание.

Я думала, злорадные нотки, проскользнувшие в его голосе, мне почудились; как выяснилось позже, ничего мне не почудилось. И кикиморе, пытавшейся напроситься вместе с нами, но не сумевшей сговориться с вредным Мышем и оставшейся на кухне, я начала завидовать очень скоро.

Прямо от домовых, смотревших нам вслед с тоской, мы отправились по прямой, по относительно чистенькому освещенному коридору... а потом свернули в узкий проход, поднялись по неудобной лестнице с высокими ступенями, послонялись немного в темноте – Мыш, удобно устроившийся на моем плече, руководил нашим продвижением, так как неплохо ориентировался в пространстве даже без освещения; потом еще несколько раз поднимались по лестницам разной чистоты и удобства. Я успела попасть в несколько паучьих ловушек, с содроганием вспоминала, как разгорались красным огнем глаза пауков, чью паутину я унесла на себе... В итоге вынуждена была проползти по какому-то совсем уж узкому ходу, явно не предназначенному для людей... или для достаточно высоких нелюдей.

Наградой за мучения мне стала еще одна паутина, облепившая все лицо, едва не нагнавший меня сердечный приступ из-за излишне близкого знакомства с пауком и вполне удобное место наблюдения.

Мы затаились в одной из низких арок, расположенных почти под потолком, и могли хорошо разглядеть, как внизу, в мрачном тронном зале, вела беседу нечисть.

На возвышении из дюжины ступеней стоял страшный трон, черный, украшенный черепами и укрытый паутиной, а на троне том сидел Кощей, и в этом не было сомненья.

Худой, уставший, с присыпанными сединой висками и парой нитей серебра в коротких волосах. С такого расстояния было не разглядеть, но я откуда-то знала, что и лицо у него худое, с длинным носом, впалыми щеками и острым подбородком, совсем не такое, какие я привыкла видеть. Не румяное, не полнокровное, не пышущее здоровьем и жизнью.

Но сила в этом лице была, в плотно сжатых, неуступчивых губах, в темных, почти потухших глазах...

Там же, рядом с троном, по каждую из его сторон, стояли двое. Тугарин в кольчуге, отливающей зеленью, и незнакомый мне Змей в кольчуге из червленого золота. Он сам будто был весь из золота: золотые волосы, собранные в высокий хвост, золотые глаза, ярко сияющие в полумраке, золотая чешуя на висках...

Водяной на их фоне выглядел совсем не страшным, очень мирным и даже дружелюбным монстром.

– Нет, ты мне все-таки скажи, – Тугарин был раздражен, но почему-то пытался сдерживаться, словно следовал чьему-то приказу, – с чего бы нам ее тебе отдавать? Я ее нашел. Я, а не ты, что бы твои рыбины ни думали.

– Милада ее спасла. Выловила из Гиблой реки, – утомленно, будто не в первый раз об этом говорит, заметил Водяной. – Если бы не она...

– Если бы не она, царевна бы и сама выбралась, точно так, как ее кобыла, – огрызнулся Тугарин.

– Это не доказано!

– Как не доказано и обратное.

– Оставим это, – сухо велел Кощей, и голос его разнесся по залу, хриплый и будто надтреснутый. Вымученный. – Достойной причины отдать ее тебе я так и не услышал.

– Но...

– Если девицу спасла твоя русалка, то правильным будет ей за царевну просить.

– Ее зовут Василиса, – психанул Водяной, и, отзываясь на недовольство своего хозяина, в волосах его гневно зашипели растревоженные змеи. – И если я не верну ее, Варвара выест мне душу.

– У нас нет души, – хохотнул незнакомый мне Змей.

– Моя жена найдет. Она у меня талантливая, – передернул плечами несчастный семьянин. Несмотря на ворчливые нотки, говорил он с гордостью.

Это было так славно, что я даже растрогалась, шмыгнула носом и чуть не задохнулась, когда в следующее мгновение Водяной, без злого умысла, но безжалостно и непоправимо, выдал меня врагам.

Одно незатейливое признание в том, что я обещалась всю правду про его озерную жизнь до людей донести, разожгло в Тугарине неумный и страшный огонь энтузиазма.

Мышь сидел рядом со мной во время нашего преступного подслушивания, но стоило только Змею, все больше распаяясь, обрисовать Кощей интереснейшую идею по моему употреблению, как подлый хвостатый осторожно отодвинулся от меня, с сочувствием протянув:

– Недолго тебе жить осталось, убогая.

– Ты обещал меня вывести! – прошипела в ответ я. Меня тоже впечатлила идея Тугарина заставить отловленную царевну собрать истории нечисти, живущей в Тринадцатом царстве, и донести их до людей.

– Ты полагаешь, это что-то изменит? – недоверчиво спросил Кощей. Он думал отказаться, но почему-то медлил.

– Это может что-то изменить. Если не отношение к нам человеческих государств, то хотя бы отношение одной царевны, – уверенно кивнул Змей, и братец его чешуйчатый негромко поддержал эту наивную веру в чудеса.

– Проклятие само собой не снимется, – прогудел он.

Я, помнится, тоже в чудеса верила... Вот и оказалась теперь под потолком тронного зала Кощей, в компании разговаривающей крысы...

Отрезвленная этой мыслью, я дернула Мыша за хвост:

– Нужно отсюда выбираться!

– Куда?

Самое ужасное в этом вопросе заключалось, пожалуй, в том, что задал его не Мыш.

– Кош? – неуверенно переспросил Тугарин, не совсем понимая, к чему Бессмертный это спросил.

– Ты не чувствуешь? – впервые за все время на лице Кощей проявились хоть какие-то эмоции. Скупая улыбка казалась чужой и неуместной, случайной гостьей на этом изможденном лице. – Твоя царевна сбежала.

– Как? – опешил Тугарин. Потом ругнулся и зло выплюнул. – Надо было сразу с нее все цапки снимать, не деля на обереги и украшения.

Я на всякий случай ухватилась за простой плетеный браслетик, должный укрывать меня от злой силы. Плела мне его наша ведунья, силу он имел неизмеримую, да, поди ж ты, уберечь от Кошечьего взгляда не смог. Стоило мне только эмоции из-под контроля выпустить, как я тут же была обнаружена.

– Как же ты ее в моем Озерноводье нашел? – удивился Водяной.

– Сложно, – передернул плечами Змей. – Сначала кобылу ее выслеживал, место, где она из воды выбралась, сложно отыскать было, а как нашел да понял, что хозяйки с ней нет, пришлось возвращаться. Свезло, что рыбину твою учуял да проверить решил...

Я судорожно выдохнула, на мгновение, от переполняющих меня чувств, прижавшись лбом к холодному камню. Марька не утопла, радость-то какая!

Об остальном я уже не волновалась, по молодости она была кобылой своенравной, даже жеребцов в страхе держала, а то, что с возрастом присмирела и обленилась, – так жить захочет да из лесу выбраться пожелает, молодость вспомнит.

Брат Тугарина тоже молчать не стал, насмешливо спросив:

– Что же ты, ничего про царевну не ведая, в лесу на лошадь решил поохотиться, когда ту по первой почуял?

– Горыныч, тебе Добрыня в тот час голову не срубил вроде, что же ты ею не пользуешься? – огрызнулся Тугарин. – Даже неразумным ящерицам известно, что лошади в нашем лесу в одиночку не появляются.

– А с Василисой-то делать что будем? – терпеливо напомнил о главном Водяной.

– К столу пригласим, – решил Кощей. – Срок пришел.

– Ну, прощевай, царевна, теперь я тебе уже не помощник, – промямлил Мыш, планируя сбежать. Позабыл он, видать, про свой хвост. А я не забыла. Схватила раньше, чем сообразила, что делаю.

– Отчего же не помощник? – ехидно спросила я. – Поможешь мне при Кошечьем столе лицом в грязь не ударить.

– Ты, убогая, при любой помощи лицом в щипки ударишь, – нагло ответил он, не решаясь, впрочем, отнимать хвост, и даже не пискнул, когда я мстительно за него дернула.

Я была напугана, растеряна и нуждалась в поддержке и совете, вот только беда – единственным советчиком мне был наглый крыс, что не сильно успокаивало.

Напряжение царило над столом, но никто не спешил его разогнать. Водяной, отсаженный от меня в дальний конец, в окружение змея семейства, скучно крутил в руках ложку. Кощей безразлично смотрел прямо перед собой, занятый чем угодно, но только не пребыванием в столовой.

И мне от этого их расслабленного равнодушия было зябко и страшно. Я не понимала их, не представляла, что нужно делать, и боялась ошибиться, сглупить...

Молчание нарушил Змей. Тот, что звался Горынычем, и я была ему за это благодарна.

– Так, значит, будешь нас перед людьми обелять? – спросил он, щуря на меня золото глаз поверх наполненного до краев кубка.

– Не буду, – хрипло каркнула я. Мыш, который нервно грыз ломоть сыра рядом с моей тарелкой, попытался спрятать морду в своих больших розовых ушах, но на нос они не налезали. Я прокашлялась и, проигнорировав демонстративное неодобрение хвостатого, повторила уже увереннее: – Не буду я вас обелять. Просто правду расскажу. Чтобы они знали, что вы тоже живые.

– Живые, – эхом отозвался Кощей, заставляя меня поежиться. Сидел он совсем рядом и пугал меня даже сильнее, чем семейка Змеев. Я искренне считала, что было бы мне лучше смениться местами с Водяным. Тогда бы не грыз меня сейчас холодный и внимательный взгляд темных глаз. – А веришь ли ты в то, что мы живые?

Мне пришлось собрать всю свою смелость, чтобы ответить. Потому что Кощей ждал ответа, а я не имела воли это проигнорировать.

– Конечно, – указав рукой в сторону притихших на том конце стола нечистых, я чуть было не скинула со стола Мыша, тот лишь чудом успел пригнуться. Это было последней каплей, следующая обещала перешибить хребет моего самообладания: и свалюсь я тогда под стол в истерике, и... может, хоть это сотрет с лица Кощея жуткое выражение смертельной скуки. А пока оставалось терпеть свою неловкость и тихие смешки Змеев. – Вы посмотрите на них, живее всех живых же.

Он кивнул и задал совершенно неудобный вопрос:

– А я?

– А вы выглядите уставшим, – честно призналась я после недолгой заминки. Жила во мне странная уверенность, что Кошечью врать нельзя.

– Так, значит, ты задумала всю правду о Водяном людям поведать. Зачем? – спросил Горыныч, любопытством своим спасая меня от изучающего взгляда темных глаз.

С трудом подавив вздох облегчения, я невнятно промямлила:

– Чтобы знали.

Не говорить же этому дружелюбно скалящемуся на меня чудищу, что мне просто домой очень надо, а это был первый шанс, за который я с энтузиазмом и ухватилась. Что я не за-ради нечисти все это затеяла, а чтобы себя любимую из беды выручить. В дом отчий вернуть.

Себе я дала слово, что попытаю удачу и расскажу все родичам, да не было во мне веры, что они меня послушают. Посмеются, возможно, выпорют, если дядька настоит, да и позабудут о всех моих глупостях. Если Иван от беглянки не откажется, то справят свадьбу и отправят меня в царские хоромы наследников плодить.

От последней мысли меня чуть не передернуло.

– И пусть знают, – заявил Водяной. – Может, перестанут душить. А то ж Вареньку мою в родную деревню не пускают, к родственникам. Руны свои защитные на воротах вырезали и знать ничего не хотят. Мол, если она человек, то ведовские знаки ее не остановят. И никто слышать не желает, что она пусть и человек, но жена нечисти. . .

– Притесняют нас всячески, – кивнул Тугарин. – Тут уже ночью и дорогу не спросишь, все начинают плевать и руками махать. Я же разве виноват, что рожей не вышел?

– И часто ты верную дорогу теряешь? – Кошечей откинулся на спинку стула, рассеянно оглядывая столовую. К еде он почти не притронулся. Даже я со всеми своими нервами и переживаниями успела больше съесть, чем хозяин замка.

Тугарин ответил ему невозмутимым:

– Еще ни разу, но это же не повод мне в помощи отказывать. А что, если я все ж таки заблужусь? Пусть уж они знают, что мы тоже живые и нас бояться нет нужды.

– Но нас надо бояться, – не согласился с ним Кошечей.

– Надо, – поддакнула я тихо и тут же вжала голову в плечи: под взглядами возмущенных нечеловечьих глаз было неуютно. Чешуйчатые братцы смотрели на меня с неодобрением, требуя, чтобы я молчала и не мешала им подводить своего государя к какой-то мысли. К мысли, которую в него пытались вбить уже не первый год, которую он понимал и знал, но принимать не хотел. Сопrotивлялся, откладывая, отговаривался, и вот – попал. И он попал. И я попала.

И только Змеи были довольны и с тайной надеждой смотрели на нашу беду.

Моя беда была страшнее Кошечевой, потому что я ее чувствовала, но осознать не могла, не было у меня нужных знаний. Зато уж Бессмертный-то все о нашей общей беде знал и все так же упрямо не желал ее принимать. . . Боялся, что ли?

– Приятное единодушие, – хохотнул Водяной, единственный из всех за столом, кто не вызывал сейчас у меня нервных опасений. Он мне почти родным был, мой зеленомордый, дружелюбный шанс на спасение.

– Пусть нас надо бояться, – не растерялся Горыныч. – Но ты о домовых подумай, о берегинях. Леший с Лесовиком скоро перегрызутся между собой. Людей нет, а волков-оборотней твоих по лесу сильно не покружишь, да и с колдунами или ведьмами связываться себе дороже, разгневаются и наломают из Лешего дров для костра. Пожалей старика.

– И русалкам моим скучно, – охотно подхватил Водяной, но на него тут же зашикали. Ни для кого секретом не было, что русалки его по подводным зачарованным течениям в любую реку или озеро переплыть могут, чем и развлекаются. Сверх меры проказничать им, конечно, строго запрещалось, но пару десятков утопленников на год русалки людям приносили. В основ-

ном молодые и неопытные, не понимающие еще, когда нужно прекратить игры и отпустить жертву.

– И чего ты хочешь? – спросил Кощей.

– Пусть Василиса про нас всех правду напишет. Она грамоте обучена, она царевна, ее люди слушают, – говорил Горыныч, а мне ясно было, что он в это не верит. Нет в нем надежды, что мои слова что-то изменить смогут, но он все равно упрямо давил из себя эту глупую идею.

Бессмертный тоже понимал всю бессмысленность произнесенных слов, но не спешил Змея в этом уличать. Он размышлял.

Мне по наивности подумалось – пытается слова подобрать, чтобы помягче в просьбе отказать. Оказалось – наказание обдумывает. Для излишне энергичных Змеев и почему-то для меня.

– Пусть, – кивнул Кощей. – Пусть пишет. И пока она пишет нашу правду, вы будете за ней приглядывать.

– Почему мы? – возмутился Горыныч.

– Кош, это несправедливо! – поддержал брата Тугарин.

Водяной благоразумно прятал ехидную улыбку за кубком.

Будь во мне чуть больше смелости, я бы тоже возмутилась, не нужны мне были такие нянюшки, без них мне лучше будет. И спокойнее. И вообще...

– Головой за нее отвечаете! – чуть повысил голос Кощей, и Змеи тут же притихли. – Я сказал.

– Мы же о тебе беспокоимся, – проворчал Тугарин, понурившись. Спросить он уже не решался, но недовольство свое скрывать и не мыслил.

– Теперь беспокойся о ней, – отрезал Бессмертный, чем окончательно вогнал чешуйчатых в уныние. Потом обратился ко мне таким тоном, что и я захотела приуныть на пару со Змеями: – В твои покои принесут все необходимое для твоей... работы.

– Покой? – нервно хохотнула я, вспомнив неуютную сырость темницы.

Удивленный моим поведением, за разъяснениями тем не менее Кощей обратился к Тугарину, что лично меня полностью устраивало. Потому что кое-кто тут не понимал, что именно меня так развеселило, и кое-кому другому предстояло объяснить причину этой истеричной веселости.

– Ну ты же знаешь, как домовики комнаты готовят. Им на это полдня надо, а я не мог нянчиться с царевной все это время, вот и снес ее в темницы, – пожал плечами Змей.

– И в какую из темниц ты ее заселил?

– В твою, – тихо ответил он. – Она ближе всех к выходу.

Так я и узнала, что у царя Тринадцатого государства зачем-то имеется своя личная темница. Тихий, спокойный и размеренный голос может пугать сильнее яростного рева. А стопка белой бумаги и набор писчих перьев на чистом столе в светлой спальне способны приводить в отчаяние.

Описать жизнь местной нечисти...

Если умом не поврежусь во время сего действия и домой вернусь целой и невредимой, никогда больше дурить не буду.

Никогда!

Глава 3 О царской службе и тяжелой судьбе

Как ни удивительно, но возможность вывалить на случайного человека все свои невзгоды обычной нечисти пришлось по вкусу. Больше того, они восприняли ее с ужасающим энтузиазмом.

Кощей, оправдывая звание главного злодея на все наши тринадцать государств, со скупой полуулыбкой выделил мне под это дело кабинет и отрядил помощницу – ту самую нервную и впечатлительную кикиморку с говорящим именем Бежана.

Мышь, решивший под шумок сбежать, попался Бессмертному на глаза не в срок и тоже был приставлен ко мне как помощник, наставник и главная жертва царского гнева, если с его подопечной что-нибудь случится...

Растерянная ключница так и не сумела понять, можно ли считать это повышением, или стоит искать в прошлом проступки, что могли подорвать доверие Кощея... Изводила она себя самоотверженно и со вкусом, отчего я и сама начинала нервничать и думать о грустном.

И сарафан у меня ворованный, и башмачки тоже: Тугарин самодовольно хвалился, что все выкрал из купеческого обоза, не потревожив охрану, а там, на минуточку, обходчики с волкодавами, которые нечисть со ста шагов способны учуять. Я печалилась, но одежды носила – других-то нет.

Только лишь нить жемчуга могла считаться моей по праву, так как являлась подарком от Милады, переданным озерной кикиморой, забегавшей поведать мне о своих зловключениях. Она единственная была не ворованной, но для меня предназначенной.

Братья Змеи наказ царя выполняли с присущим лишь для нечисти разрушительным старанием. Нежданно навязанную подопечную они одевали, обували, кормили и работой не нагружали, допуская до меня в день не больше полудюжины рассказчиков. И создавалось ощущение, будто Змеи сознательно растягивали срок моего пребывания в Кошечьем замке. Сам Кощей, кажется, это тоже понимал, по крайней мере с каждым днем лицо его преображалось все больше, и на смену смертельной скуке приходило злое веселье.

Странные и непонятные игры нечисти меня тревожили. Змеи знали, что происходит, и Кощей знал, что происходит, но никто из них даже не думал утрудить себя тем, чтобы приобщить к этому несомненно важному знанию меня.

Обидно, если честно.

И даже от прямого вопроса уходили, обещая, что я и сама все узнаю, когда придет время.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как мириться и ждать... хотя ждать было очень сложно.

Правдой о своей жизни делиться ко мне приходила не только безобидная нечисть, такая, например, как водяница, которая с охотой вылила на меня всю историю ее родника, по ходу дела с удовольствием жалуясь на проблемы и зловключения. История у нее вышла душещипательная, но несколько... водянистая, а от журчащего, порой неразборчивого голоса у меня разболелась голова. Но водяница была мелкой, слабой и неопасной для людей.

И переживать после разговора с такой нечистью я могла разве только о том, что Мышь не выдержит-таки непрекращающегося нервного бормотания Бежаны, и они сцепятся. А разнимать их, разумеется, придется мне.

Потому что Змеи скорее ставки возьмутся делать, чем драчунов разнимать, а к волкам-оборотням, что состояли на службе у Кощея и жили в казармах недалеко от замка, приближаться я все еще опасалась и попросить их о помощи была не в состоянии.

Целую седмицу моя жизнь была тиха и безоблачна, пока слух о безумной царевне, записывающей историю жителей Тринадцатого государства, чтобы после их людям понести, не добрался до самых мрачных, топких и опасных окраин Кошечьего царства.

И пошли ко мне полуденницы со своими жизнеописаниями и ненавязчивыми предложениями выйти с ними в поле поплясать немного под полуденным солнцем; шишиги с жалобами на русалок наглых и злоязыких, на кикимор, дразнящих их за жабы улыбки, и (неожиданно) на Варвару, с появлением которой Водяной перестал внимание уделять своим подчиненным, вспоминая разве лишь только о любимицах-русалках.

Берегини... берегини мне понравились, многие из них приходили с гостинцами: Земляничка принесла лукошко, полное спелой сочной земляники, Березенница поднесла крынку березового сока, а совсем молоденькие смешливые Лиственницы-близняшки венком одарили.

Бежана не одобряла подарки и совсем уж не одобряла того, что я их принимаю. Мыш негодовал, что для него ничего вкусенького беспечная легкомысленная нечисть заготовить не додумалась. Я не обращала особого внимания на их ворчание.

Мыш был вечно чем-то недоволен и ругался, и задобрить его не мог бы даже весь сыр, хранящийся в закромах у домовых.

После берегинь пошли волки-оборотни. Привлеченные задорной веселостью и весенней красотой лесных дев, и они заинтересовались-таки моим делом. На разведку со своей историей самым первым волком был послан Скуль, но он все больше робел, принюхивался и поскуливал, от стресса и страха линия с поражающей старательностью. Толком ничего не поведав, ушел, оставив на память о себе ключья легкого мягкого подшерстка и несколько длинных царапин на каменном полу от мощных когтей задних лап.

Я еще не знала, как изменится моя тихая служба после этого короткого визита, когда провожала взглядом сутулую, чуть прихрамывающую фигуру Скуля, обряженного в посеребренную кольчугу и нагрудник со знаком Кошечья – треугольником с вделанной в его середину руной жизни.

– А теперь иди к домовым да перца у них выпроси, – велел Мыш, стоило только двери за волком закрыться. Важно рассевшись на стопке чистой бумаги, он с подозрением принюхивался, чуя волчий дух и раздражаясь от этого.

– Зачем?

– Чтобы по следу этого сиволапого его други не сбежались. Про царевну, Кошечья на службу принятую, уже знаешь сколько сплетен по замку ходит? Это волчье стадо, если раньше к тебе издали принюхиваться осмеливалось, то теперича уже и в гости заявиться не постесняется.

– А тебе какая в том печаль? – удивилась я. Заботой о моем благополучии Мыш себя раньше что-то не утруждал, и сейчас веры не было в то, что он вдруг переменялся.

– Тьфу ты, мавкино отродье. Умным советам следуй да вопросов не задавай! – в сердцах пискнул Мыш, хлопнув хвостом по столу.

– И чем это тебе мавки не угодили? – опешила я.

– Ты русалок знаешь?

– Ну.

– Красивые девки с хвостом. В голове у них, конечно, тина, но просто посмотреть на русалок приятно. А мавки – их сестрицы... Как говорится, в семье не без урода. Вот и эти не удались. Страшные, глупые, да ещё и злые.

От неодобрения и недовольства мордочка его презабавно сморщилась, и задать вопрос с серьезным выражением лица мне удалось с трудом:

– То есть я страшная, глупая и злая?

– Не, ты добрая, – утешил меня Мыш. – Но дура дурой.

А потом долго обижался и не понимал, почему я его слова всерьез не восприняла и рассмеялась. Ну а как ему объяснишь, что меня всю жизнь люди премудрой кликали, а какой-то вредный Мыш из нечистого рода за одну седмицу в глупости моей уверился?

Бежана была с ним полностью согласна, хоть и опасалась говорить об этом вслух. Мнительная и трусоватая, она не любила ввязываться в сомнительные мероприятия и очень грустила оттого, что ее ввязали насильно.

Но молчала.

Мыш оказался прав.

На следующий же день, потеснив рудянку и всех, кто пришел со своими историями, не обращая внимания на возмущение и проклятия, что лихо гасили защитные талисманы, ко мне наведальсь сразу три волка-оборотня.

Буян, Разор и Жар – как они представились. Одинаково серые, наглые и лохматые, волки звенели серебряной кольчугой, будто насмехаясь над людской верой в то, что нечистой силе серебро вред приносит, и ничуть не смущались ни моего присутствия, ни вечно затравленного взгляда Бежаны, ни подчеркнута неодобрительного выражения морды Мыша.

– Так ты и правда царева дочка? – спросил Жар, подбираясь сбоку к окну, обнюхивая шкаф, полный старых книг. Что это за книги, я так до сих пор и не узнала. Днями не было времени на то, чтобы ознакомиться с содержимым шкафа, а вечерами уже не было сил. После изматывающих дневных забот и ужинов в компании братьев Змеев и несомненно утомленного Кощея все, на что меня хватало, – добраться до моей комнаты, растолкать саламандру в очаге да забраться под пуховое одеяло, прислушиваясь к тому, как задорно трещит огоньками огненная стихия.

– А есть причины в этом сомневаться? – осторожно спросила я, стараясь отслеживать передвижение всех оборотней одновременно. Признаться, это было сложно.

Жар заходил слева, Буян – справа, в то время как Разор возвышался над столом, важно встав прямо передо мной.

Мне не нравились их улыбки и взгляды, от них веяло недобрым волчьим весельем.

– Давненько у нас царевны не гостили, – широко улыбнулся Разор, задорно сверкая желтыми глазами.

Бежана тихо предостерегающе заскулила:

– Беду чую. Беду...

– Захлопнись, кликуша! Не ровен час, и правда беду приманишь! – рыкнул на нее Буян.

– Беду-то, поди, она от вас чует, – смелости Мыша хватило ровно на одну фразу, после которой, впечатленный взглядом Разора, он проворно шмыгнул со стола под стул и схоронился в складках моего сарафана.

– Мы ж разве царевну обидим? – оскорбился Жар, уже почти подобранный ко мне сбоку. – Всего-то познакомиться пришли да правду о себе рассказать.

– О себе рассказывать принято по очереди и по одному, – заметила я, как бы невзначай опустив руку подле чернильницы. – Таковы у нас правила.

– Правила... – негромко фыркнул Буян, и на морде его отчетливо читались все мысли, что он имел касательно моих правил.

Дождаться, пока они подступят вплотную, я не стала. Запустила чернильницей в Жара, проскочила мимо, пока он размазывал по морде чернила, все больше втирая их в мех, поднырнула под лапой у Разора, вздумавшего меня перехватить, и под вой кикиморы выскочила в коридор.

В том, что зла бы они мне не причинили, я не сомневалась, но не было во мне уверенности, что игры их мне понравились бы. Волки, дикое племя, что с них взять?

И оттого, что они к Кошееву на службу пошли, мирными псами не стали.

Убежать далеко я бы, конечно, от тройки волков не смогла, да на мое счастье Мыш со мной оказался.

– Куда несешься, дурная? – сдавленно пропищал он, с трудом пробираясь по подолу выше. – Тут не скоростью, а хитростью брать нужно.

– Мне бы до Змеев добраться, тогда-то я этих волков силой возьму, – запыхавшись, огрызнулась я, даже не думая останавливаться или сбавлять скорость, неустанно прислушиваясь к звукам погони. Ни воя, ни рыка, ни даже цокота когтей – ничего не было слышно, и от этого становилось только страшнее. Раз не дают себя услышать, значит, не настроены порезвиться и погонять жертву.

– Заворачивай! – рявкнул Мыш, стоило мне только поравняться с нешироким полутемным коридорчиком. Не раздумывая, я подчинилась: уж что-что, а замок он всяко лучше меня знал. – Эта дорога нас напрямиком к спасению выведет.

– К Тугарину? – воодушевилась я.

– К Кощею.

И встала я как вкопанная.

– Догоняют, – пропыхтел Мыш, сунувшись носом мне прямо в ухо. – Чего встала, убогая?

Бежим!

– К Кощею? – с издевкой спросила я.

Мыш решительно кивнул:

– К Кощею!

– К Тугарину меня веди, – велела я, сделав первый пробный шаг.

– А если не ведет этот путь ни к одному из Змеев?

– Значит, открой мне другой.

– Вот дурная, они ж за тобой бегут, я им без надобности, – вызверился Мыш, убедившись, что я решения своего менять не намерена.

– А Тугарину без надобности твои оправдания. Если волки меня обидят, спрашивать он с тебя будет.

Мыш тихо ругнулся и сдался:

– Твоя взяла, бесовка, пошли.

Я могла быть собой горда: шантажом и угрозами выманила у Мыша то, что мне было нужно.

До Тугарина мы добраться успели, пожаловаться – нет. Змей вместе со своим братом были мною выловлены в библиотеке, над какой-то большой книгой, с задумчивыми, непривычно серьезными лицами.

– Каждый день над нею сидят, будто от этого в книге листы новые появятся, – осуждающе проворчал Мыш.

– А что за книга? – спросила я хрипло, переводя дыхание после быстрого бега.

– Да про проклятия всякие.

– Василиска! – с неудовольствием отметил мое появление Горыныч.

Тугарин в кислости рожи не отставал от брата:

– Ты здесь откуда?

– Спасаясь, – это все, что я успела сказать, потом была озадачена радостным воплем, раздавшимся позади:

– Попалась! – быстро переросшим в трусливое: – Ой-ей...

Волки меня настигли... на свою беду.

– Как интересно, – протянул Горыныч, медленно поднимаясь из-за стола. – И что же вы теперь делать будете? Раз уж царевну поймали.

– Так ить... – Жар замялся. На морде его, все еще чернилами украшенной, было написано такое мучительное сожаление, что мне захотелось смеяться.

Тут уж вопрос еще, кто из нас попался...

Два других волка, застывшие в дверном проеме, обреченно прижали уши, а я была довольна. Вот они, голубчики, пускай теперь Змеям объясняют, зачем меня окружали и стращали, а я постою послушаю.

– Ну, – поторопил Тугарин.

– Хотели Вою ее снести. Кощей-то все равно царевной не заинтересуется. Мы ж это уже не раз проходили, а жожаку нашему жена давно нужна.

Лицо Тугарина надо было видеть.

– Я для твоего жожака ее из Гиблой реки вылавливал? – тихо, недобро спросил он.

Жар замылся и был благодетельствован Змеиным гневом:

– Отвечай!

– Мог бы и для него, – проворчал волк нахохлившись. – В благодарность за то, что он твоего брата от Добрыни уберег, не дал богатырю мерзкому его сгубить.

И Тугарин как-то присмирел, в затылке почесал да рукой махнул:

– Уйдите, чтоб я вас не видел. А коли Вою невеста нужна, так мог бы и сам царевну себе украсть.

– Так мы мигом его... – воодушевился Жар, но был грубо оборван:

– Не нашу!

– Ну так ты ж знаешь, к людям он не пойдет.

Змеи переглянулись. Тугарин приподнял бровь, Горыныч пожал плечами, потом они кивнули друг другу и Жара обнадежили сухим:

– Сам лично ему царевну принесу, – пообещал Горыныч.

Оборотни заулыбались, Жар и вовсе расцвел весь да на своих товарищей обернулся победно.

Мыш негромко фыркнул мне в ухо, опасаясь, что его услышат, но не имея сил не выказать свое пренебрежение.

Волки ушли довольные, Змеи вроде бы тоже не сильно печалились из-за взятых на себя обязательств.

А я не могла никак отделаться от нехороших мыслей:

– И как часто вы людей похищаете?

– Бывает, – выжидательно прищурился Горыныч.

Я молчала, совсем даже не удивленная его ответом, – ну что еще с нечисти взять? И точно знала, что об этом людям рассказывать я не буду. Ни к чему им такие знания.

Спокойствие мое Змеев разочаровало:

– И что, не будет криков и обвинений? Не будешь нас бесовскими отродьями звать? – полюбопытствовал Тугарин.

– Если очень хотите, то могу, – серьезно предложила я.

Горыныч засмеялся.

– Пойдемте-ка лучше чаю попьем, – предложил он, решительно захлопнув книгу.

Чаевничать со Змеями мне совсем не хотелось.

Радости это предложение во мне не вызвало.

– Знаете, я, пожалуй, вернусь в кабинет. Бежану пустырничком отпою... сама приму успокоения ради. Да и...

Договорить мне не дали, Змеи оказались страшнее оборотней, действовали они быстрее, слаженнее и сокрушительней. Тугарин оказался рядом раньше, чем я успела осознать его движение, Горыныч за плечи меня приобнял, не дав Мышу даже пискнуть.

– К тебе сейчас Вой нагрянет, – зловеще пообещал Тугарин. – Прощения за своих подчиненных просить. Надо оно тебе?

Сжавшись в руках Горыныча, я опасливо спросила:

– Зачем ему прощения просить? Да и как он узнает, что случилось? Я ему точно ничего рассказывать не собираюсь.

Глупая я, что ли, добровольно к волку в пасть идти?

– А ты думаешь, куда эти трое побежали? К сотнику своему, благою весть до него донести, – Горыныч фыркнул. – Им-то, остолопам, кажется, будто Вой только и думает о том, где бы ему женку себе сыскать.

– А это не так?

Змеи переглянулись, сраженные моей наивностью. А я-то что? Я их Воя в глаза не видела, откуда мне знать, что у него на уме?

– Да если бы так было, я б в тот же час ему любую из царевен принес! – горячо заверил меня Горыныч.

– Потому что спас вас?

– Потому что спас, – кивнул он и зачем-то крепче меня обнял, даже над полом чутка приподнял, отчего Мыш едва чувств не лишился.

– А как это случилось? – спросила я, в панике пытаюсь нашарить пол под ногами, носки сапожков едва касались холодного камня. – Важная информация, это следует записать да людям потом поведать.

– Ну пойдем, – улыбнулся Горыныч, – за чаем я тебе все и расскажу.

Я б и рада была пойти, да только Змей меня не отпустил и не позволил своими ножками до кухни путь преодолеть – так и дотацил, зажатую под мышкой, глубоко несчастную и смиряющуюся. Мыш, цеплявшийся за мои волосы и крепко сидевший на плече, лишь раздосадованно сопел, но протестовать не решался.

Домовые были нам... рады. Вернее, рады они были мне, Змеев же встретили с почтительным равнодушием. Как у них это выходило, я до сих пор понять так и не смогла.

Но вот могли же!

Если на кухню влетала Бежана – равнодушные их было ленивым, если Змеи – почтительным, а когда Кощей заглянул – разочек, всего на минутку, чтобы выдать мастеру домовых недовольное указание прекратить, в конце концов, подкармливать его ворона: не хотел, видимо, чтобы птица казалась более откормленной, чем ее хозяин... – так его все домовые встречали с раболепным равнодушием: в смысле, они вроде бы и готовы ему в ноги броситься, но крепятся, виду не подадут, что вообще заметили своего царя, обед готовят...

– Чаю нам, – велел Горыныч, не думая даже меня отпустить. – И сладкого чего-нибудь.

– И сыру, – слабым, умирающим голосом проблеял Мыш. Будто бы не меня, а его сейчас крепкая Змеева рука за плечи обнимала.

– Пустите, пожалуйста, я сама могу идти, – попросила я тихо, когда вместо того, чтобы свободу мне вернуть, этот желтоглазый потащил к столу в уголке кухни, расположенному аккурат рядом с окном. Хорошее это было место, уютное. Не единожды я тут душевное спокойствие свое поправляла, любясь из большого окна диким, заросшим садом и заливая горести чаем, душистым, щедро сдобренным медом. Самым лучшим, какой мне только доводилось пивать.

– Нет у меня к тебе веры, – ответил Горыныч. – Ты верткая да прыткая, раз даже от Жара сумела сбежать. Кто тебя знает, вдруг и от меня сейчас попытаешься? Глупостей наделаешь, Кошу на глаза попадешься... Как мы ему после объясним, с чего ты от нас бегать вздумала?

– Ну так нервная потому что, впечатлительная. С этой... – выпалила я. Покатала на языке непривычные, странные слова и неуверенно их выплюнула, – нежной натурой.

– Была бы с нежной натурой, в обмороке бы спасение искала, а не честную нечисть по всяким пустякам от дел отвлекала, – беспощадно заметил он. – Придумала тоже, от оборотней бегать...

– Это вы, что ли, честная нечисть? – огрызнулась я, задетая за живое. Если бы я поступила так, как Змей считал должным поступать царевне, то я бы сейчас не здесь сидела, а в

логове волчьего вожака, неожиданным предложением озадаченная. Не факт, конечно, что он действительно взялся бы ко мне свататься, но... а если бы взялся?

– А что, не похожи? – Тугарин оскалится.

Похожи-то как раз они были. Друг на друга. Как братья, которыми, собственно, и являлись. А вот на честных совсем не походили, встретила бы я такого честного вечером в темной подворотне, да была б при мне дядькина палица... уж не скалился бы Змей тогда. С выбитыми зубами особо не поскалишься.

Домовые подали чаю, свежих ватрушек и тонко нарезанного сыра на блюде – специально для Мыша.

Сыр Горыныча озадачил. Он недоверчиво смотрел на то, как Мыш деловито сполз с моего плеча, протопал к блюду и с важным видом выбрал себе ломтик из середины.

– И ты будешь это есть? – не поверил чешуйчатый, когда Мыш на полном серьезе потащил сыр в пасть.

– А что делать? – вздохнул уныло тот. – Кощей велел соответствовать, вот я и соответствую. Ты даже не представляешь, как мяса хочется!

– А что велел Кощей? – осторожно полюбопытствовала я.

– С полгода назад его еще Филимоном звали, – поведал Горыныч. – Пока он по своей крысиной глупости в дом к одной уважаемой ведовке не нагрязнул. Та какое-то колдунство творила, куриное яйцо заговаривала, а этот недоделок из темного угла по привычке выскочил и, не разбираясь в том, где оказался, бросился пугать. И ладно бы ведовка одна была, так у нее в ту пору ученица случилась, зеленая совсем. Испугалась «мышки-норушки», яйцо и разбила.

– Что ж она, дура, трусиху себе в ученицы выбрала? – вызверился Мыш, отшвырнув сыр в сторону. – Для того меня Темный Бог и выправил, чтобы я девок стращал да страхом их упивался! Это природа моя!

– Была твоя природа, да сплыла, – хохотнул Тугарин. – И вернется она только через девять с половиной лет, когда наказание Кошечье спадет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.